

**КЛАССИКИ
ТЕОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ:
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ
ИДЕИ
В РОССИИ**

Лев Александрович Тихомиров

Монархическая государственность (извлечения)

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=628565

*Классики теории государственного управления: Управленческие идеи
в России / Факультет государственного управления МГУ им. М.В.
Ломоносова; Редкол.: А.В. Сурин (председатель), Ю.Ю. Петрунин
(отв. ред.) и др.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН);
Москва; 2008
ISBN 978-5-8243-0935-5*

Аннотация

«...Как в общих задачах управления, так и в способах их осуществления, все государства представляют много не только сходства, но даже полного тождества, и монархическая государственность в этом отношении не отличается от других. В нижеследующих страницах нам должно определить лишь самое построение органов управления и соотношение управительных принципов, как это вытекает из существа монархического принципа...»

Содержание

Раздел V	4
XXX Предмет рассуждения	4
XXXI Царская прерогатива	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Л.А. Тихомиров¹

Монархическая государственность (извлечения)

Раздел V

Система управления

XXX Предмет рассуждения

Учение об управлении составляет обширную часть государственной науки, так как управление связано со всей деятельностью государства по осуществлению его целей.

Предметом рассуждения нижеследующих страниц является, однако, не вся эта беспредельная область, а лишь часть ее. Как в общих задачах управления, так и в способах их осуществления, все государства представляют много не только сходства, но даже полного тождества, и монархическая государственность в этом отношении не отличается от других. В нижеследующих страницах нам должно определить лишь

самое построение органов управления и соотношение управительных принципов, как это вытекает из существа монархического принципа. Короче говоря, нам нужно выяснять лишь систему управления монархии.

На первом плане здесь перед нами становится вопрос о месте самого монарха, как Верховной власти, в общей системе управления государством. В этом же отношении прежде всего должно разграничить два различных проявления деятельности монарха, которые я обозначу, как: во-первых, действие *по царской прерогативе* и, во-вторых, по *монархической конституции* (я употребляю здесь слово «конституция» не в смысле «ограничения» монархической власти, а в прямом смысле слова, то есть как правильное, закономерное построение учреждений. Монархическая конституция – значит система правильно организованных учреждений, созданных монархией как властью верховной).

XXXI Царская прерогатива

Действие по царской прерогативе обусловлено самым существом Верховной власти, вне всего конституционно-условного и может быть названо также действием по царскому естественному праву.

Бывает действие по «праву», установленному в правильные юридические нормы. Может быть наоборот, действие по «прерогативе», хотя и не противное праву, но находящееся вне его. Действие по прерогативе свойственно лицу или учреждению в силу каких-либо исключительно ему принадлежащих особенностей, допускающих или требующих такого исключительного права. Царское действие по прерогативе характеризуется тем, что может совершаться вне законных установленных норм, сообразуясь только с обязанностью *дать торжество правде высшей, нравственной, Божественной*.

Для объяснения этого представим себе момент самого зарождения государства, когда Верховная власть явилась для устройства государства, но еще не успела его организовать. В этот момент Верховная власть заключает в самой себе все управление, на ней лежит вся целостная обязанность поддержания правды. Власть в ней не разделена: она ставит закон, судит за его нарушение, приводит свое решение в исполнение. В то же время, будучи верховенством нравственного на-

чала, монархическая власть не знает ничего себе неподсудного, раз только в данном обстоятельстве или столкновении так или иначе замешан интерес нравственный. Обязанность царя поддержать правду, а не какие-либо частные узаконения, которых еще и нет. Никакое действие, по существу противонравственное, не может ссылаться на то, что закон его не воспрещал. Никакой окончательности решения или давности нарушения права, вообще ничего условного еще не создано. Равным образом нет такого частного права, которое могло бы, утверждаясь на самом себе, отрицать вмешательство действия государственной власти. Такого личного права еще никто не получал. Царь, как Верховная власть нравственного начала, смотрит за всеми сам, и никакие отношения общественные, семейные, личные не могут уклониться от надзора нравственного начала, государственно-олицетворенного в царе.

Засим начинается правильное устройство государства, которого цели состоят в том, чтобы эту общую задачу Верховной власти осуществить при посредстве системы законов и учреждений. Государство тем более совершенно, чем полнее в нем достигнута эта цель. Простой глазомер Верховной власти, действие по совести заменяется действием ею направляемых и устанавливаемых законов и учреждений государственных и введенных в государство общественных учреждений, роль же Верховной власти приводится к тому, чтобы стать силой только направляющей и контролирующей.

Но полное совершенство учреждений никогда недостижимо. Если бы даже представить себе, что в какую-либо данную минуту система законов и учреждений безусловно справедливо предусматривает способы охраны и восстановления правды, то во всяком случае жизнь изменяется. Естественное право, новые требования обстоятельств и совести расходятся с законами и учреждениями, которые опять делаются отсталыми и несовершенными. Если даже государственные реформы успеют быстро восстановить соответствие между новой жизнью, законами и учреждениями, то все же это делается не раньше чем несоответствие обнаружится на практике. Но в эти моменты, пока несоответствие еще не устранено, государство принуждено, поддерживая свой закон, тем самым поддерживать *нравственное беззаконие*. В эти моменты государство с точки зрения своих благородных и высоких целей как бы *не существует*.

И вот в эти моменты Верховная власть обязана снова делать то, что делала, когда еще не успела построить государства: должна делать сама, и по усмотрению совести, то, чего не способно сделать государство.

Но так ли редко случаются эти моменты? Конечно, почти невозможно представить, чтобы закон и государство всецело разошлись с требованиями жизни. Но в отдельных пунктах государственной жизни несоответственность закона и учреждений с требованиями действительности замечаются в большей или меньшей степени всегда.

Сверх того, как бы ни был совершенен и современен закон, он устанавливает лишь средние нормы справедливости, а люди живут конкретными нормами, которые постоянно бывают то выше, то ниже средней. Во многих случаях законная справедливость поэтому не совпадает со справедливостью нравственной.

Но в отношении таких случаев государство и закон с точки зрения идеала как бы не существуют. Если то, что государство делает, оказывается справедливо для других, но не для меня, то я имею право жаловаться, что государство для меня не существует. А оно обязано существовать для всех. Здесь опять открывается для Верховной власти задача восстановить справедливость лично своей прерогативой. Таким образом, действие царя по прерогативе Верховной власти неустранимо с принципиальной точки зрения и не может быть поставлено ни в какие рамки. В силу принципиальной невозможности уволить Верховную власть от ее обязанности поддержать правду она в потребных случаях должна иметь прерогативу личного действия по совести, а подданные должны иметь право апелляции царю по поводу каких бы то ни было запросов и столкновений между собой или с законными государственными учреждениями.

Если царь есть Верховная власть нравственного начала — эта его обязанность, и вытекающая из нее прерогатива совершенно неустранима. Наш Иоанн Грозный превосходно формулировал свое сознание безграничия своих обязанностей,

когда сказал: «Верую, яко о всех своих согрешениях суд ми прият, яко рабу, и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, аще моим несмотрением согрешают».

Для уяснения укажу пример, более понятный нашим современникам.

С чем воспрещено обращаться на суд общественного мнения? Такого предмета нет. Нечестный поступок, непослушание сына, деспотизм отца, обман доверия и т.д. Нет таких интимных дел, который бы иногда не решались выносить «на суд общественного мнения», «общественной совести».

Но царь — в своем истинном смысле — есть именно величайший орган этой «общественной совести». Он есть высший представитель правды, и везде, где эта правда затронута, везде, где человек ее ищет, он должен иметь доступ к царю со своей нуждой и жалобой.

Это основная функция Верховной власти этического начала.

Конечно, полнота осуществления этой функции фактически невозможна. Даже в области законного управления царь не в состоянии ни проверить, ни исправить и миллионной доли тех обид и несправедливостей, которые готовы прихлынуть к трону в жалобах ищущих правды. Никогда он не в состоянии разобраться в миллионах и ложных жалоб, клеветнически искажающих правду под видом ее искания. Это, конечно, совершенно ясно точно так же, как и «общественная совесть» не в состоянии разобраться в большинстве столк-

новений, выносимых на ее суд. Но может ли она отвергнуться от ищущих правды? Это *нравственно невозможно*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.